

ДМИТРИЙ БОВЫКИН • АЛЕКСАНДР ЧУДИНОВ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Библиотека ПостНауки

Дмитрий Бовыкин

Французская революция

«Альпина Диджитал»

2020

Бовыкин Д. Ю.

Французская революция / Д. Ю. Бовыкин — «Альпина Диджитал», 2020 — (Библиотека ПостНауки)

ISBN 978-5-0013-9347-4

Французская революция XVIII века уникальна тем, что ее опыт востребован и актуален вот уже более двух столетий. Она – точка отсчета и матрица для всех последующих революций, участники которых равнялись на нее, подражая ей или пытаясь ее превзойти. Неудивительно, что и в наши дни историки и социологи видят в ней идеальную модель для изучения динамики революций в целом и выявления их общих закономерностей, обращаются к ее опыту вновь и вновь, пытаясь понять, как происходят и как развиваются революции. Жившие два с лишним века тому назад люди в напудренных париках и камзолах были не так далеки от нас, как это может показаться на первый взгляд...

ISBN 978-5-0013-9347-4

© Бовыкин Д. Ю., 2020
© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
«Классическая» интерпретация	9
Системный кризис, которого не было	10
Бедное государство в богатой стране	12
Попытка реформы Машо д'Арнувиля	13
«Революция Мопу»	16
Цена независимости США	18
Социальный резонанс	19
Просвещенная элита	21
Глава 2	22
Попытка Калонна	22
Попытка Ломени де Бриенна	24
Реформа Ламуаньона	26
«День черепиц»	27
Поражение министров-реформаторов	28
Спор об организации Генеральных штатов	29
«День лямок»	33
«Аристократический заговор»	35
«Дело Ревельона»	37
Глава 3	39
От Генеральных штатов к Национальному собранию	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Бовыкин, Александр Чудинов

Французская революция

Издатель П. Подкосов

Руководитель проекта А. Тарасова

Корректоры А. Кондратова, Е. Сметанникова

Компьютерная верстка А. Фоминов

Художественное оформление и макет Ю. Буга

В оформлении обложки использован фрагмент гуаши Жан-Батиста Лезюра «Группа граждан штурмует дворец Тюильри 10 августа 1792 г.» (1792). Все иллюстрации, использованные в книге, являются общественным достоянием.

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В., 2020

© Ассоциация «ИД «ПостНаука», 2020

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Введение

То, что вчера еще было жизнью, сегодня уже история, а завтра – легенда. Легенды занимают, развлекают, пугают или восхищают, но их герои неминуемо бесплотны как абстрактные образы и зачастую лишены реальных черт живых людей – людей, которым мы могли бы сочувствовать и сопереживать. Что значат для нас сегодня, скажем, легендарные триста спартанцев? Пожалуй, лишь абстрактное олицетворение идеи самопожертвования. Но как люди – каждый единственный и неповторимый, – ходившие по этой земле, любившие, страдавшие и до срока расставшиеся с жизнью в расцвете лет, они для нас сейчас, увы, не более реальны, чем герои античных мифов Геракл или Тезей. Таковы, хотим мы того или нет, законы коллективной памяти человечества. Большинству событий прошлого и участникам их уготована именно такая судьба. Большинству, но не всем. Есть события, которые упорно сопротивляются переходу в область легенд и сохраняют злободневность для разных поколений, каждое из которых тем или иным образом вновь и вновь переживает их в воображении или в реальности, а их действующих лиц воспринимает едва ли не как своих современников. К таким немногочисленным, но вечно актуальным событиям мировой истории относится Французская революция XVIII века.

В мае 1976 года знаменитый советский историк Альберт Захарович Манфред, выступая на международном коллоквиуме, размышлял над удивительным феноменом непреходящей актуальности опыта этой Революции. Умудренный долгой жизнью человек, видевший две мировые и гражданскую войны, побывавший и в сталинской тюрьме, и на вершинах научной славы, он многие годы посвятил изучению Французской революции. И в его словах звучало нескрываемое изумление и восхищение от того, что дела столь давно минувших дней по-прежнему живо волнуют его современников, вызывая их острые дискуссии, будто все произошло только вчера: «Казалось бы, о чем еще спорить? Что еще изучать? Страсти, когда-то волновавшие и разделявшие участников революционных событий, а позже их сторонников и противников, давным-давно перегорели и остыли; от них остался лишь пепел. За минувшие два столетия мир подвергся таким величайшим изменениям во всех сферах, что ныне время двуконных почтовых дилижансов, гусиных перьев и измеряемого мощью голоса ораторского дара Мирабо представляется нам – людям конца XX века – почти такой же седой стариной, как далекие эпохи античной Греции или Древнего Рима». Тем не менее, констатировал ученый, история Французской революции все еще не стала сугубо академическим предметом, свободным от злободневности.

Со времени того выступления прошло без малого полвека. Нам, живущим в эпоху интернета, искусственного интеллекта, мобильной связи и персональных компьютеров, 70-е годы XX столетия сегодня тоже кажутся глубокой древностью, когда люди по вечерам смотрели черно-белые пузатые телевизоры, звонили за две копейки из стоявших на улице телефонных автоматов, а ламповые ЭВМ, мигая и щелкая, играли в шахматы на уровне перворазрядника. Однако и для нынешних поколений Французская революция остается столь же актуальной, как и для тех, кто жил за пятьдесят, сто и сто пятьдесят лет до нас.

Достаточно посетить любую протестную манифестацию в сегодняшней Франции, чтобы своими глазами увидеть, сколь широко востребованы там образы, символы и лозунги Французской революции. В колоннах демонстрантов красные фригийские колпаки якобинцев нередко соседствуют с белоснежными вандейскими знаменами, на которых кроваво алеет Святое Сердце Иисуса. Сравнение незадачливых правителей с Людовиком XVI давно стало общим местом, а чучело президента Пятой республики недавно даже гильотинировали – в предостережение, чтобы не упорствовал в своей непопулярной политике. Для перечисления других

примеров заимствований образов и символов Франции конца XVIII столетия самыми разными странами, переживающими в наши дни радикальные перемены, не хватит и книги.

Людовик XVI. Гравюра Э. Тома с портрета работы А. Руссо

Однако столь устойчивая востребованность опыта Французской революции в последующие два с лишним века не должна удивлять: из ее колыбели вышло все современное западное общество. Да и остальной мир в той или иной степени до сих пор продолжает испытывать ее влияние. Взять хотя бы привычную метрическую систему мер – ее нам подарила именно Французская революция. Она же породила такие основополагающие политические понятия наших дней, как «конституция» и «права человека», «левые» и «правые», «всеобщее избирательное право», «политика террора», – из-за этого ее нередко называют матерью политической культуры современности. А еще в ходе Французской революции пресса впервые выступила в качестве «четвертой власти», социальные же сети – да-да социальные сети! – показали себя эффективным средством политической мобилизации. Эти люди в напудренных париках и камзолах на самом деле были не так далеки от нас, как может показаться на первый взгляд...

И наконец, благодаря именно этому событию в международном лексиконе закрепилось само понятие «революция», используемое ныне для обозначения радикальной смены политического и общественного строя неправым путем. До того понятие «революция» использовалось в самом широком, почти беспредельном смысле, включая в себя не только ниспровержение правительств, но и смену династий, дворцовые перевороты и даже вращение светил.

Более того, Французская революция стала своего рода точкой отсчета и матрицей для всех последующих революций, участники которых непременно равнялись на нее, самую первую, подражая ей, либо пытаясь ее превзойти. Неудивительно, что историки и социологи

видят во французских событиях конца XVIII века идеальную модель для изучения динамики революций в целом и выводят из исследования ее конкретных фактов общие закономерности, проявляющиеся во всех остальных социальных потрясениях подобного рода.

История Французской революции на самом деле о нас, о возникновении современного общества со всеми его достоинствами и недостатками. Прошлое посылает нам сигналы, которые нужно услышать и разобрать, чтобы лучше понять настоящее. Но именно в случае с Французской революцией сделать это крайне трудно из-за сопутствующих фоновых «шумов». На протяжении большей части из двух с лишним столетий, что прошли после этой революции, ее история активно мифологизировалась в политических целях. Да, собственно, они и породили ее историографию в 20-е годы XIX века. В то время люди, пережившие Французскую революцию, хранили о ней самые тягостные воспоминания: она ассоциировалась у них с лишениями, террором и войной. Однако следующее за ними новое поколение не имело личного опыта жизни в эпоху перемен. Чтобы обеспечить поддержку «принципам 1789 года» со стороны молодежи, либеральные историки эпохи Реставрации, очень талантливые и тоже молодые, сконструировали апологетический образ Революции, который должен был вытеснить негативные воспоминания о ней из исторической памяти нации. Это им удалось. Их интерпретация определила видение Французской революции более чем на полтора столетия.

В России же XIX века апологетика Французской революции и вовсе приобрела среди либеральной интеллигенции такой масштаб, что превратилась, говоря словами русского писателя и революционера Александра Ивановича Герцена, в настоящий культ. Во французских событиях оппозиционно настроенные российские интеллектуалы хотели видеть предсказание будущего своей страны. Этот квазирелигиозный культ проявился и в том, что только в России – и больше нигде, даже во Франции! – Революцию XVIII века стали называть Великой. Формулировка оказалась настолько живучей, что и сегодня у нас в стране слабо знакомые с исторической литературой люди все еще оперируют причудливым словосочетанием «Великая французская революция».

Только во второй половине XX века английские и французские историки «критического» направления показали мифическую основу апологетической трактовки Революции. На то, чтобы научное знание смогло потеснить (но, увы, не вытеснить!) миф, ушло еще несколько десятилетий. В результате новейших изысканий, проводившихся учеными из разных стран, мы имеем сегодня совершенно иное видение Французской революции, чем то, что предлагалось ее классическими историями XIX – XX веков. И если те до сих пор сохраняют свою привлекательность в качестве шедевров изящной словесности, то свое былое значение в качестве исторических трудов они уже во многом утратили.

Авторы этой книги, опираясь на собственные исследования и на знание современной научной литературы, постараются познакомить читателя с той картиной Французской революции, какой она сегодня видится изучающим эту тему историкам.

Глава 1

Причины

«Классическая» интерпретация

Почему произошла Французская революция? Для тех, кто изучает ее, – это вопрос вопросов, как, впрочем, и производные от него: была ли Революция неизбежна? Была ли она необходима?

Существовавшая с XIX века «классическая» трактовка Французской революции объясняла, что та была неизбежна и необходима для ликвидации Старого порядка. Он, мол, находился в глубоком кризисе, реформированию не подлежал и только мешал дальнейшему развитию страны. В XX веке доминирующее положение в освещении истории Французской революции заняли исследователи, разделявшие философские воззрения немецкого мыслителя и революционера Карла Маркса. Они считали стержнем мировой истории процесс последовательного чередования общественно-экономических формаций, которые сменяют одна другую посредством социальных революций. Когда та или иная формация утрачивает свою прогрессивность и становится тормозом для развития человечества, происходит революция, в результате которой на смену старой формации приходит новая. Так будет до тех пор, пока не утвердятся формация коммунистическая, а с нею не наступит и конец истории. Позаимствовав у французских либеральных историков эпохи Реставрации их «классическую» трактовку Революции XVIII века и дополнив ее, марксисты объявили эту революцию буржуазной, то есть такой, в результате которой капиталистическая формация сменила феодальную. Разумеется, при подобном объяснении уже не только Французская, но и все остальные революции в мировой истории оказывались необходимыми и неизбежными. Такую трактовку событий во Франции исповедовала на протяжении всего прошлого столетия мировая «классическая» историография, и в частности советская историческая наука. Да и сейчас у подобной интерпретации еще хватает приверженцев среди французских историков левых взглядов.

Системный кризис, которого не было

Если в СССР никакая иная точка зрения на революции, кроме «классической», не допускалась, в других странах все же существовали историки не только «классического» направления, но и сторонники иных методологических подходов. Проводившееся во второй половине XX века изучение экономической истории Франции такими исследователями убедительно показало, что говорить о системном кризисе общества Старого порядка нет никаких оснований.

Франция XVIII века была богатой, быстро развивавшейся страной с мощной экономикой, которая с 1720-х по 1780-е годы переживала продолжительный и устойчивый рост. Особенно быстро развивались сектора, связанные с колониальной торговлей. Сотни французских судов курсировали в «атлантическом треугольнике»: из Франции они везли в Африку ром и ткани, там наполняли трюмы чернокожими рабами для плантаций Вест-Индии, а оттуда возвращались в Европу, груженные сахаром-сырцом, кофе, индиго и хлопком. Колониальное сырье перерабатывалось на многочисленных предприятиях близ морских портов, после чего готовые продукты частично потреблялись в самой стране, частично продавались за рубеж. Атлантическая торговля стимулировала развитие судостроения, текстильной и пищевой промышленности. В этом секторе экономики еще задолго до Революции шел бурный рост капиталистических отношений, предполагавших использование наемного труда для получения прибавочной стоимости.

По общему объему атлантической торговли, выросшему за этот период в четыре раза, Франция вышла на второе место в мире после Англии. Причем разрыв между двумя странами быстро сокращался, поскольку французская внешняя торговля росла более высокими темпами. К середине XVIII века французы уже практически догнали своего конкурента, но обойти его им помешала политика. В результате неудачной для себя Семилетней войны 1756–1763 годов Франция потеряла колонии в Северной Америке, Индии и Африке, сохранив лишь несколько островов в Вест-Индии. Тем не менее, интенсивно развивая хозяйство в оставшихся у нее заморских владениях, она вновь принялась наращивать темпы колониальной торговли и к концу 1780-х годов опять уже почти настигла Англию. Полностью догнать и перегнать своего постоянного конкурента французам не позволила их собственная Революция.

Больших успехов в XVIII веке добилась и тяжелая промышленность Франции. Богатые дворянские семьи охотно вкладывали в нее средства. В 1780-е годы более 50 % металлургических предприятий в стране принадлежали дворянам, более 9 % – церкви. Именно в этот период дворянская семья Вандель основала знаменитый металлургический завод в Крезе. Там в 1787 году произошла первая во Франции плавка чугуна с использованием кокса. В 1780-е годы началось применение и первых паровых машин. Столь высокий уровень технологического развития в тот момент имели только Англия и Франция, далеко обогнавшие все остальные страны Старого и Нового Света.

Впрочем, при всей важности торговли и промышленности главной отраслью экономики во Франции того времени оставалось аграрное производство. Известно, сколь медленно проникают обычно в эту сферу технологические новшества. Столь медленно, что, по словам замечательного французского историка Жака Ле Гоффа, сельский мир Европы вплоть до XIX столетия можно считать пребывавшим в «долгом Средневековье». Тем не менее во Франции Старого порядка и в сельском хозяйстве наблюдался значительный прогресс. Просветительские сельскохозяйственные общества при активной поддержке властей вели активную пропаганду новейших методов агрикультуры. Со временем их усилия стали приносить обильные плоды. Передовые достижения агрономической науки постепенно осваивались крестьянами, находя все более широкое применение. Особенно же восприимчивыми к новшествам оказа-

лись ориентированные на рынок крупные дворянские и фермерские хозяйства, ставшие своего рода матрицей капитализма. В целом рост валового продукта сельского хозяйства с 1709-го по 1780 год составил до 40 %. Интенсивное строительство государством дорог, мостов и каналов способствовало расширению внутренней торговли и специализации различных регионов на производстве определенных видов продукции для рынка.

Об экономическом процветании страны свидетельствует и пришедшийся на XVIII век настоящий демографический бум. Со своими почти 30 млн жителей Франция стала самой густонаселенной страной Западной Европы, а в целом по континенту занимала второе место, лишь немногим уступая России. Из-за бурного роста населения историки иногда называют Францию того времени «европейским Китаем». Именно за счет своих богатых человеческих ресурсов она и смогла в период Революционных и Наполеоновских войн сражаться без малого четверть века фактически против всей Европы.

Бедное государство в богатой стране

У столь богатой страны, какой была Франция в XVIII веке, имелась одна большая проблема – относительная бедность государства. Правда, такая проблема стояла не только перед ней, но и перед другими абсолютными монархиями Европы. Происшедшая в XV–XVI веках «военная революция», вызванная распространением огнестрельного оружия и, соответственно, новых способов ведения боевых действий, вынудила государства обзавестись постоянными профессиональными армиями. Это было дорогое удовольствие. Пришлось ввести постоянные налоги и создать централизованный аппарат управления, который мог бы обеспечить регулярное поступление средств в казну. Необходимость в новом, принципиально более высоком уровне концентрации власти, собственно, и породила такой тип государства, как европейские абсолютные монархии раннего Нового времени. Те страны, которые не смогли перестроиться, просто прекратили свое существование, как, например, Речь Посполитая, разделенная между соседними державами. Но удовлетворять эти возросшие финансовые потребности государства должна была старая, унаследованная еще от Средневековья система сбора налогов. Она же с этой задачей должным образом не справлялась: организм вырос, а кровеносная система осталась прежней. Отсюда и парадокс существования бедного государства в богатой стране, и постоянный дефицит средств у всех абсолютных монархий Старого порядка.

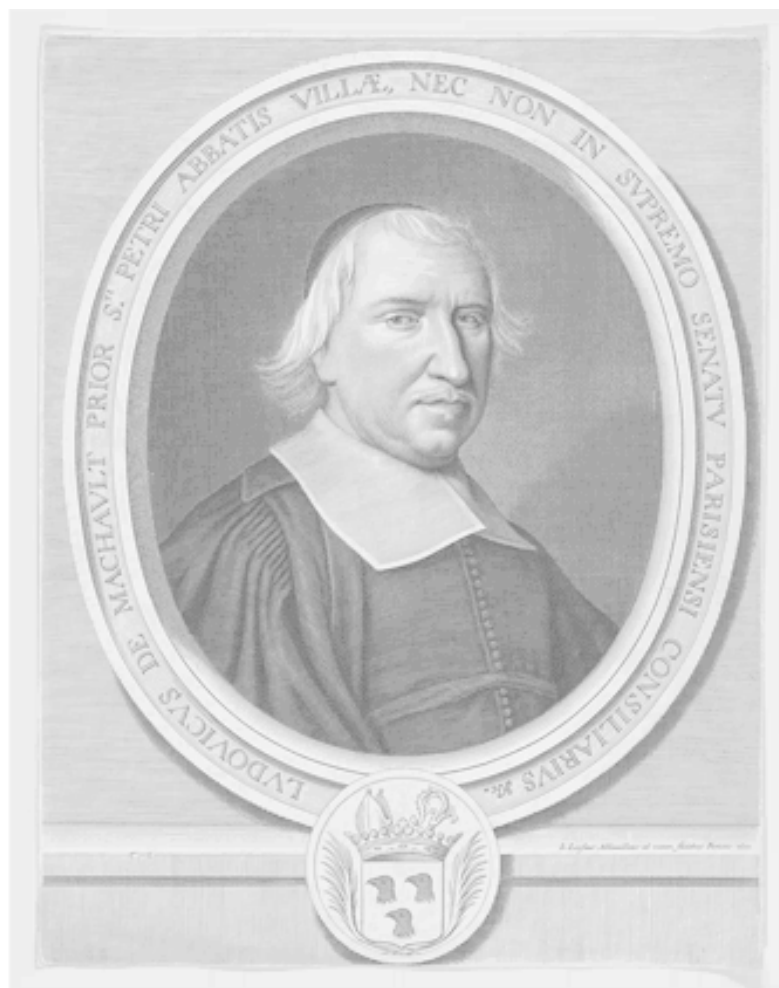
Главным недостатком фискальной системы Франции было непропорциональное распределение налогового бремени. Население страны делилось на три сословия: первое – духовенство, второе – дворянство, третье – все остальные. Первые два имели существенные налоговые привилегии. Это, впрочем, не значит, что они совсем ничего не платили. Дворяне, как и все представители третьего сословия (ротюрье), выплачивали подушный налог и косвенные налоги, а духовенство ежегодно вносило в казну огромную сумму – «дар» церкви. Однако поземельный налог (талья), являвшийся основным источником государственных доходов, не выплачивался с дворянских и церковных земель. Серьезным недостатком талли было то, что при покупке дворянином крестьянской земли приобретенный участок также освобождался от ее уплаты. А поскольку расширение подобным способом дворянских владений носило в XVII–XVIII веках массовый характер, база налогообложения сокращалась, что отягощало налоговое бремя для тех, кто привилегий не имел.

Помимо сословных привилегий, избавлявших от уплаты этого налога, серьезным недостатком французской фискальной системы было и то, что за долгую историю существования талли монархи даровали и продали слишком много частных освобождений от нее. Особенно активно это делалось в периоды гражданских смут XVI–XVII веков, когда короли, чтобы привлечь на свою сторону тот или иной город, могли освободить его от талли навечно. В результате подобного сокращения налогооблагаемой базы увеличивалось бремя, лежавшее на оставшихся плательщиках, ибо общая сумма налога при таких изъятиях не сокращалась.

Попытка реформы Машо д'Арнувиля

С похожими проблемами сталкивались государи и в других абсолютных монархиях Европы, причем каждый решал их по-своему. Например, императрица Мария-Терезия в своем государстве австрийских Габсбургов воспользовалась ситуацией, сложившейся после войны за Австрийское наследство 1740–1748 годов. Австрийцы тогда потеряли Силезию и готовы были на любые жертвы ради ее возвращения – на волне таких настроений императрица и провела реформу налоговой системы, фактически отменив фискальный иммунитет привилегированных сословий.

К той же цели стремились в XVIII веке и министры французских королей. В мае 1749 года министр Людовика XV Жан-Батист де Машо д'Арнувиль, умный и жесткий администратор, отменил *десятину* – временный прямой налог на доходы, действовавший во время войны за Австрийское наследство. Вместо него Машо убедил короля ввести налог размером поменьше, но зато постоянный – *двадцатину*, которая должна была идти на погашение государственного долга. В преамбуле соответствующего закона особо подчеркивалось, что налог носит всеобщий характер: «Ничто не может быть более правильным и справедливым, чем распределение его между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров доходов». Основная тяжесть *двадцатины* ложилась на имущие слои, так как обложению подлежали лишь доходы от земельной собственности, торговли, промышленности, движимого имущества и должностей, но не заработная плата наемных работников. Неудивительно, что реформы Машо вызвали ожесточенное сопротивление привилегированных сословий.

Жан-Батист де Машо д'Арнувиль. Гравюра с портрета кисти Ж. Ланфана

Главной ударной силой аристократической оппозиции выступили высшие судебные органы, называвшиеся во Франции того времени суверенными судами. В число таковых входили 13 парламентов и 4 аналогичных им по своим полномочиям верховных суда, 15 счетных палат и 10 палат косвенных сборов. Места в таких судах покупались у государства за немалые суммы, и снять человека с должности можно было, только вернув ему уплаченные за нее деньги. Поскольку число советников в каждом из подобных органов превышало несколько сотен, а свободных средств в казне никогда не было, эта судебская аристократия – дворянство мантии – вела себя достаточно независимо по отношению к монарху. Особенно это касалось парламентов, считавшихся своего рода вершиной судебской пирамиды и часто конфликтовавших с министрами. В середине XVII века они даже развязали гражданскую войну против правительства, известную как Фронда.

В обычной же практике, для того чтобы помешать каким-либо министерским мерам, судебские пользовались своим правом на регистрацию нормативных актов. Согласно традиционно установленному порядку, любой такой акт вступал в действие на той или иной территории только после того, как регистрировался парламентом, в округ которого эта территория входила. Если же парламент считал, что документ не соответствует «конституции королевства», то возвращал его обратно с письменным мотивированным протестом (ремонстрацией). Поскольку под конституцией королевства понимали некую совокупность норм обычного (неписаного)

права, хранителем которой традиционно считались всё те же парламенты, фактически судебские имели возможность опротестовать при желании любое решение правительства.

Конечно, король мог прибегнуть к крайнему средству – лично прийти на заседание Парижского парламента, самого влиятельного в стране, и в присутствии монарха закон подлежал регистрации без прений. В провинциальных парламентах тем же правом обладали представители короля – интенданты. Однако судебские могли внесением поправок в уже зарегистрированный документ или принятием инструкций по его применению фактически утопить тот в бесконечной волоките. И король ничего не мог с этим поделать. Власть абсолютного монарха во Франции на деле отнюдь не была абсолютной.

В случае с реформами Машо оппозиция парламентов получила поддержку со стороны церкви, которой тоже не хотелось лишаться иммунитета от налогов. После трех лет препирательств правительство вынуждено было пойти на уступки духовенству и в 1751 году подтвердило его привилегии в налоговой сфере. Таким образом, хотя Машо все же добился введения *двадцатины*, его успех был во многом обесценен тем, что налог лишился своего принципиального преимущества – всеословности. В 1754 году король под давлением оппозиции и вовсе отстранил Машо от руководства финансами, после чего этот налог, задуманный как принципиально новый и справедливый, был дополнен всевозможными изъятиями для привилегированных, что во многом лишило его изначального смысла.

«Революция Мопу»

Не считая более Революцию неизбежной и predetermined, историки сегодня тщательно анализируют путь, которым Франция пришла к ней, обращая особое внимание на те «развилки», где страна могла выбрать иную дорогу и тем самым избежать ожидавших ее страшных потрясений. Одной из таких важнейших «развилок» считается судебная реформа, проведенная канцлером Рене Николя де Мопу в 1770–1774 годах.

Устав от бесплодных попыток преодолеть обычным путем упорное сопротивление парламентов и провести перераспределение налогового бремени, Людовик XV и его министры решили устранить сам корень проблемы – ликвидировать парламенты. Возглавлявший французскую юстицию канцлер Мопу в глубоком секрете подготовил и в 1770 году стремительно осуществил реформу по замене этих опостылевших короне учреждений новыми судами, члены которых получали свои должности посредством назначения, а не покупки. Вместо существовавшей в парламентах практики поборов с участников процессов новые судьи должны были получать постоянное жалование. Реформа Мопу, или, как ее называли за радикальность, «революция Мопу», считается образцовой по четкости и скорости проведения. Одним ударом прежняя судебская аристократия была лишена прежних полномочий. Ей не оставалось ничего иного, как исходить желчью, чем она и занялась, развернув ожесточенную памфлетную кампанию против правительства. Но у короля и министров хватило выдержки не реагировать на волну пасквилей, поднятую бывшими советниками парламентов, и она постепенно стала сходить на нет. Реформа Мопу избавила центральную власть от наиболее сильного противника любых нововведений. Ожидалось, что теперь необходимые налоговые реформы пройдут беспрепятственно, так как главная препона с их пути устранена, но... 10 мая 1774 года Людовик XV скоропостижно скончался от оспы.

РЕНЕ НИКОЛЯ ДЕ МОПУ. Гравюра XVIII в.

Взошедший на трон внук покойного короля, 20-летний Людовик XVI не имел ни малейшего представления о том, как вести государственные дела, поскольку дед его к ним не допускал. Однако молодому королю очень хотелось заслужить любовь подданных, а потому, прослышав, что канцлера Мопу и его реформу очень ругают, он немедленно эту реформу отменил, а канцлера отправил в отставку. Тому ничего не оставалось, как заметить: «Я выиграл для короля процесс, продолжавшийся триста лет. Но если он хочет его проиграть, это его право». Одним росчерком пера юный монарх вернул на политическую арену самого опасного и могущественного противника модернизации государственного строя.

Цена независимости США

Очень скоро Людовику пришлось пожалеть о своем безрассудном альтруизме. В последующие полтора десятилетия его министры Анн Робер Жак Тюрго, Шарль-Александр де Калонн и Этьен-Шарль Ломени де Бриенн с большей или меньшей степенью радикальности пытались обновить финансовую систему и ликвидировать налоговые привилегии двух первых сословий. Однако все их попытки модернизировать фискальную политику государства наталкивались на упорное сопротивление привилегированных сословий, которое возглавляли восстановленные королем парламенты.

Между тем к концу 80-х годов XVIII века ситуация в сфере государственных финансов из хронически трудной превратилась в критическую. И причиной тому была вовсе не чрезмерная роскошь нарядов королевы Марии-Антуанетты, в чем пытались убедить публику многочисленные пасквилы, инспирированные аристократической оппозицией, а серьезные деформации в кредитной политике, допущенные швейцарским банкиром Жаком Неккером, которому в 1777–1781 годах было доверено руководство французскими финансами. В эти годы Французское королевство участвовало в войне против Великобритании на стороне ее североамериканских колоний, боровшихся за свою независимость. Для покрытия военных расходов, которые достигли гигантской цифры в 1 млрд ливров, Неккер использовал принципиально новую, не применявшуюся до него в столь широком масштабе схему. Чувствительный, пожалуй, как никто другой из министров, к реакции общественного мнения, он старался изыскивать средства на ведение войны, не повышая налогов – исключительно за счет займов. Новизна его курса состояла в том, что главными кредиторами государства, в отличие от предшествующих периодов, были не французские финансисты, а швейцарские и голландские банкиры. Столь радикальное изменение основных источников кредитования имело для французской монархии далеко идущие негативные последствия. Раньше – в 1601–1602, 1605–1607, 1623, 1661 и 1716 годах – традиционным способом преодоления послевоенных финансовых трудностей для Франции было так называемое «выжимание губок», то есть расследование совершенных финансистами злоупотреблений и последующая конфискация части неправедно нажитых ими средств, что всякий раз позволяло существенно снизить государственный долг. Но теперь подобные методы оказались неприменимы, поскольку кредиторами были в основном иностранцы. И хотя за время своего министерства Неккер приобрел таким образом репутацию человека, способного доставать деньги из воздуха, он оставил своим преемникам гигантский государственный долг, поставивший страну на грань банкротства. В 1787 году на обслуживание этого долга шло до 50 % всего бюджета. Для сравнения заметим, что военные расходы забирали 26 %, а затраты на содержание двора – любимая тема оппозиционной печати – вместе с пенсиями (в том числе ветеранам) составляли лишь 8 %.

В подобной ситуации альтернативы финансовой реформе уже не оставалось. Но такая реформа по-прежнему наталкивалась на ожесточенное сопротивление со стороны прежних элит, не желавших расставаться с привилегиями. Более того, к концу 1780-х годов экономическая ситуация в стране осложнилась в силу ряда факторов – как долгосрочных, так и ситуативных.

Социальный резонанс

В функционировании экономики Старого порядка существовала объективная цикличность: многолетние периоды роста цен на зерно сменялись столь же продолжительными периодами их снижения. Первая из этих тенденций была выгодной для производителей сельскохозяйственной продукции и способствовала расширению их экономической деятельности. Вторая, напротив, вела к сокращению их доходов и оказывала сдерживающее влияние на развитие аграрного сектора, да и всей экономики в целом, поскольку именно он составлял ее основу.

На протяжении большей части XVIII века цены на зерно постепенно росли, с чем в незначительной степени и был связан отмеченный выше рост французской экономики. В 1776 году эта фаза цикла закончилась, и цены на зерно пошли вниз. Вскоре стали падать и цены на вино, важнейший продукт французского экспорта. Снижение доходов производителей сопровождалось сокращением найма рабочей силы и, соответственно, ростом безработицы в сельской местности. Дабы поднять спрос на сельскохозяйственную продукцию и стимулировать ее производство, правительство предприняло ряд мер, направленных на расширение экспорта. В 1786 году оно заключило торговый договор с Англией, который открывал британский рынок для французских вин. Взамен французский рынок открывался для продукции английских мануфактур. В 1787 году был разрешен свободный вывоз зерна за рубеж и заключен торговый договор с Россией, также предусматривавший выгодные условия для экспорта французских вин. Однако в том же году началась русско-турецкая война, и путь из Франции в Россию через Черное море оказался заблокированным. На Балтике же французы не могли конкурировать с давно обосновавшимися там англичанами и голландцами. Остальные из перечисленных мер, в принципе вполне логичных, на практике не только не улучшили ситуацию, но, напротив, еще больше ее обострили.

Разрешение экспортировать пшеницу привело к тому, что значительная часть запасов зерна ушла за рубеж. Между тем лето 1788 года выдалось неурожайным. В некоторых областях из-за дождей и страшных бурь погибло до четверти урожая. Цены на внутренних рынках подскочили. Стали распространяться панические настроения: люди боялись голода.

Торговый договор с Англией сулил французским земледельцам в перспективе немалую выгоду, однако гораздо быстрее промышленники Франции ощутили на себе его издержки. Английские текстильные мануфактуры, имевшие лучшее техническое оснащение, заполнили французский рынок более дешевой продукцией, вытесняя с него местных производителей. Вдобавок, у тех возникли серьезные проблемы с сырьем. В 1787 году сбор шелка-сырца из-за неблагоприятных погодных условий оказался крайне низким, что поставило в сложное положение шелкоткацкую отрасль. Неурожай 1788 года спровоцировал массовый забой овец и, соответственно, резкое сокращение их поголовья, что вызвало еще и дефицит шерсти. Все это вместе взятое привело к острому кризису французской текстильной промышленности: сотни предприятий закрылись, тысячи работников оказались на улице.

Ни один из названных факторов не являлся беспрецедентным для французской истории. И в предшествующие периоды негативное воздействие на экономику каждого из них время от времени имело место. Но уникальность ситуации 1780-х годов состояла в том, что на сей раз все эти факторы совпали, наложившись друг на друга, что сделало экономический кризис особенно глубоким и тяжелым. В итоге королевскому правительству приходилось продавливать финансовые реформы в крайне сложных экономических условиях, одновременно преодолевая ожесточенное сопротивление прежних элит, крепко державшихся за привилегии. Причем если в прежние годы широкие слои общества наблюдали за борьбой правительства и аристократической оппозиции в основном со стороны, то во второй половине 1780-х, когда ухушке-

ние условий жизни из-за экономического кризиса вызвало резкий всплеск активности людей, ранее безразличных к политике, ситуация резко изменилась в худшую для властей сторону. Экономический спад обострил социальное недовольство низов и сделал их весьма восприимчивыми к демагогическим лозунгам антиправительственной оппозиции. Напротив, правительство, пытавшееся проводить преобразования, не пользовалось в обществе ни авторитетом, ни доверием, а слабый и нерешительный король по своим личным качествам совершенно не отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к главе государства в столь критической ситуации.

Финансовый дефицит, падение цен, неурожай, фронда знати и парламентов, голодные бунты, слабость центральной власти – все это бывало в истории Франции и раньше, но в разные периоды. Одновременное же действие всех этих негативных факторов вызвало тот *социальный резонанс*, который и привел к краху Старого порядка. Впрочем, для того чтобы кризис превратился в революцию, ведущую к смене правящих элит, нужна была та самая новая элита, которая могла бы заменить прежние.

Просвещенная элита

Долгое время в апологетической историографии Революции доминировала точка зрения, согласно которой революционное движение против монархии Старого порядка возглавляла предпринимательская буржуазия, якобы стремившаяся отстранить дворянство от власти. Однако проведенные во второй половине XX века исследования по социальной и экономической истории показали, что лица, занимавшиеся во Франции XVIII века капиталистическим предпринимательством, не представляли собой сколько-нибудь целостной социальной группы с общими и тем более осознанными интересами. Различными видами предпринимательства занимался тогда широкий круг людей из самых разных сословий. Выше уже отмечалось, что в металлургической промышленности доминировал дворянский капитал, да и духовенство контролировало там довольно существенный сектор. Дворяне активно участвовали также в трансатлантической торговле и финансовых операциях. С другой стороны, те представители третьего сословия, кто достигал в предпринимательстве определенного успеха, старались конвертировать заработанные деньги в дворянский титул, приобретая земельные владения или должности, дающие на него право.

Учитывая подобную пестроту социального состава французских предпринимателей, не трудно понять, почему в ходе Революции они не продемонстрировали сколько-нибудь единой, более или менее четкой политической позиции. Представителей предпринимательской буржуазии можно было встретить как среди сторонников революционных преобразований, так и среди их противников, хотя ни в том ни в другом случае они не играли первых ролей. Владельцу капитала высовываться ни к чему. Если какая-либо социальная группа и может претендовать на звание лидера Революции, то уж явно не предприниматели, идеологически крайне разрозненные и политически весьма пассивные.

Новейшие исследования социокультурной истории XVIII века показывают, что общим знаменателем, позволяющим рассматривать лидеров революционного движения в качестве некой единой группы, выступал не их экономический или социальный статус, а единство идейных установок – приверженность принципам философии Просвещения. Соответственно в современной исторической литературе их и обозначают термином «просвещенная элита».

Это внесословное и политически активное меньшинство сформировалось во второй половине XVIII века, когда вся Франция мало-помалу покрылась густой сетью разнообразных общественных объединений – естественно-научных, философских и агрономических кружков, провинциальных академий, библиотек, масонских лож, музеев, литературных салонов и т. п., имевших целью распространение культурных ценностей Просвещения. В отличие от традиционных для Старого порядка объединений, эти ассоциации имели внесословный характер и демократическую организацию. В них участвовали и дворяне, и священнослужители, и чиновники, и представители образованной верхушки третьего сословия. Должностные лица таких обществ, как правило, избирались голосованием на конкурсной основе. Просветительские ассоциации разных городов поддерживали друг с другом интенсивную связь посредством переписки, образуя тем самым единую социальную сеть. В этой социокультурной среде и сформировалась просвещенная элита – сообщество представителей всех сословий, объединенных приверженностью идеологии Просвещения, включая принципы народного суверенитета, прав человека, веротерпимости и т. д.

Просвещенная элита с осени 1788 года и стала основной движущей силой общенационального движения во Франции за решительные изменения в общественном и государственном строе. Перехватив у правительства инициативу в осуществлении преобразований, она придала им такой размах и радикализм, при которых конечной целью перемен становилось уже не обновление Старого порядка, а его полная ликвидация и замена Новым.

Глава 2 Предреволюция

Попытка Калонна

Франция втягивалась в Революцию постепенно. Бурным событиям 1789 года предшествовали три года упорных попыток монархии сломить сопротивление привилегированных сословий и провести реформы, необходимые для преодоления финансового кризиса. В историографии этот период определяется как Предреволюция. Некоторые же исследователи и вовсе включают его в рамки самой Революции, называя «революцией аристократии». Да-да, именно аристократия, светская и духовная, начала раскачивать политическую ситуацию в своих сугубо корыстных целях и делала это до тех пор, пока в поток антиправительственного движения не включились другие слои населения – и он не смыл ее саму.

Точкой отсчета тут можно считать август 1786 года, когда возглавлявший правительство Шарль-Александр де Калонн познакомил короля с планом реформы, предполагавшей распространение поземельного налога на привилегированные сословия. Потомственный дворянин мантии, Калонн прекрасно проявил себя на различных административных постах, благодаря чему и получил в 1783 году должность генерального контролера финансов – высшую в министерской иерархии того времени. Первое время он, стараясь не раздражать короля, шел по протоптанной Неккером дорожке и покрывал дефицит финансов за счет государственных займов. Людовик XVI, вялый, апатичный и тяготившийся любыми мало-мальски конфликтными ситуациями, опасался резких действий после того, как в 1774–1776 годах финансовые реформы его министра Тюрго вызвали активное сопротивление аристократии с Парижским парламентом во главе. Однако зияющая дыра в бюджете вынуждала Калонна идти на решительные шаги, даже рискуя навлечь на себя ненависть привилегированных сословий.

Шарль-Александр де Калонн. Эстамп с портрета кисти Э. Вижье-Лебрён

Калонн предложил Людовику XVI ввести вместо *двадцатины* бессловный и бессрочный поземельный налог. Согласно его замыслу, со всех возделываемых земель, независимо от статуса их владельцев, следовало ежегодно взимать в пользу государства от 2 до 5 % урожая в натуральной форме: с более плодородных больше, с менее плодородных меньше. Чтобы подсластить эту пилюлю дворянам, их освобождали от подушного налога.

Разумеется, не было и речи о том, чтобы провести подобный закон через Парижский парламент и 12 местных парламентов, а без регистрации в них ни один нормативный акт, как мы помним, не мог вступить в действие. Однако в богатой правовой практике Старого порядка Калонн нашел способ обойтись без их одобрения. Он посоветовал королю созвать собрание нотаблей, то есть наиболее влиятельных лиц из всех трех сословий. Этот государственный институт являл собой уменьшенное подобие Генеральных штатов – высшего органа сословного представительства в период Средних веков и раннего Нового времени. Однако, в отличие от избираемых депутатов Генеральных штатов, члены собрания нотаблей назначались королем, что теоретически должно было бы сделать их более стоворчивыми. Правда, исторический опыт показывал: когда речь заходит о необходимости поступиться собственной выгодой, воспротивиться могут даже назначенные королем лица. В 1627 году собрание нотаблей не захотело принять план финансовой реформы, внесенный всемогущим кардиналом Ришелье, и с тех пор больше не созывалось. Но выбор у Калонна был невелик: либо продираться сквозь процедурные тернии парламентской регистрации, либо попытаться обеспечить максимально лояльный состав собрания нотаблей и договариваться уже с ними.

Отбор нотаблей велся тщательно. Однако, поскольку в такое собрание традиционно привлекали наиболее богатых и влиятельных людей каждого из трех сословий, туда вошли как раз те, кому предстояло больше остальных пострадать от ликвидации налоговых привилегий. От первого сословия пригласили высших иерархов церкви, от второго – членов наиболее родовитых фамилий, от третьего – верхушку судейской аристократии. Неудивительно, что открывшееся 22 февраля 1787 года в Версале собрание нотаблей встретило план Калонна в штыки. Правда, времена по сравнению с периодом реформы Машо д'Арнувиля изменились, и открыто защищать привилегии теперь уже никто не решался, учитывая негативное отношение к ним общественного мнения. Не оспаривая сам принцип фискального равенства, участники собрания возражали против нового налога из-за того, что его предлагалось взимать в натуральной форме. А еще они требовали финансового отчета правительства и созыва Генеральных штатов.

День шел за днем, а нотабли, вместо того чтобы утвердить реформу, для чего их, собственно, и собрали, проводили время в непрерывных спорах друг с другом и с правительством. Чтобы преодолеть столь откровенный саботаж, Калонн решил заручиться поддержкой общественного мнения, напрямую обратившись к населению. 30 марта королевская типография напечатала отдельной брошюрой его план реформ с комментарием, в котором говорилось о необходимости покончить с фискальными привилегиями, дабы облегчить налоговое бремя народа. Текст подлежал всенародному оглашению принятым тогда способом: приходские кюре во всех церквях Франции должны были зачитать его после проповеди.

Действия Калонна вызвали взрыв возмущения нотаблей. Вынеся внутренний раздор в верхах на суд широкой общественности, министр нарушил устоявшийся порядок взаимоотношений между правительством и аристократией, все конфликты между которыми традиционно считались своего рода «семейными ссорами» и решались в узком кругу избранных. Даже популярный среди просвещенной элиты маркиз Лафайет, ранее воевавший добровольцем на стороне американских колонистов против англичан, осудил действия Калонна как подстрекательство. Под давлением придворных кругов Людовик XVI счел за благо отправить 8 апреля 1787 года Калонна в отставку.

Попытка Ломени де Бриенна

Вместо Калонна король поставил во главе правительства одного из главных его критиков – председателя собрания нотаблей, архиепископа Тулузы Этьена Шарля де Ломени де Бриенна. Выходец из старинного дворянского рода, Ломени де Бриенн избрал в юности духовную карьеру и теперь, в свои шестьдесят лет, принадлежал к числу высших иерархов католической церкви Франции. Это, впрочем, ничуть не мешало ему дружить с философами Просвещения и быть сторонником веротерпимости. Не принимая предложенный Калонном план преобразований, Ломени де Бриенн тем не менее прекрасно понимал, что фискальная система государства нуждается в серьезной модернизации. Отказавшись от идеи натурального налога, вызывавшей наибольшую критику, он предложил собранию нотаблей одобрить всеобщий поземельный налог в денежной форме. Нотабли новый налог не приняли, сослались на свою некомпетентность и посоветовали королю созвать Генеральные штаты, после чего и были распущены.

ЭТЬЕН ШАРЛЬ ДЕ ЛОМЕНИ ДЕ БРИЕНН. Портрет кисти Ж.Б. Дена

Ломени де Бриенну не оставалось ничего иного, как идти со своим реформаторским проектом в Парижский парламент. Тот, разумеется, отклонил закон о едином поземельном налоге, предполагавший ликвидацию фискальных привилегий первых двух сословий, и тоже посоветовал монарху созвать Генеральные штаты. Чтобы сломить сопротивление судейской аристократии, правительство назначило на 6 августа 1787 года заседание парламента с участием Людовика XVI. В присутствии короля, как мы знаем, любой акт подлежал регистрации без возражений. В ответ парламент принял постановление, которым заранее дезавуировал всякую регистрацию, произведенную под давлением. Его поддержали провинциальные парламенты и прочие суды разных инстанций.

Ломени де Бриенн вынужден был прибегнуть к жесткому и ранее не раз опробованному средству, которое прежде позволяло преодолеть сопротивление судейских. В ночь с 14 на 15

августа Парижский парламент был сослан в Труа. Прежде такое помогало. Лишившись в глуши привычной обстановки своих роскошных особняков и столичных развлечений, советники парламента, тяготясь скромностью провинциального быта, быстро впадали в тоску. Продолжительная ссылка обычно делала их более покладистыми. Увы, теперь власть не могла ждать, так как на нее неумолимо надвигался финансовый кризис. Ссылные же члены парламента, ощущая мощную поддержку со стороны общественного мнения, превозносившего их как «борцов против тирании министров», проявляли чудеса стойкости. В результате месяц спустя Ломени де Бриенн вынужден был вернуть парламент в столицу, получив от него в обмен ряд уступок по частным вопросам. От закона о всеобщем поземельном налоге правительству пришлось отказаться.

Реформа Ламуаньона

Это был тупик. Спасти монархию от надвигающегося банкротства могла только реформа по перераспределению налогов. Однако в рамках существующей правовой процедуры не имелось никакой возможности провести такую реформу без согласия парламентов. Людовику XVI оставалось только сожалеть о своем безрассудном отказе от плодов «революции Мопу» и об опрометчивом восстановлении парламентов. Это побудило короля попытаться второй раз войти в ту же реку. По его распоряжению Кретьен-Франсуа де Ламуаньон, отвечавший в правительстве за вопросы юстиции, начал подготовку реформы, способной подорвать позиции парламентов.

8 мая 1788 года Парижский парламент в присутствии короля, то есть без возражений, вынужден был зарегистрировать подготовленные Ламуаньоном законы, согласно которым деятельность всех парламентов приостанавливалась на неопределенное время, их состав сокращался, а большая часть полномочий передавалась 47 новым окружным судам. Право регистрации отныне получал только вновь учреждаемый Пленарный суд, куда вошли наиболее сговорчивые советники Парижского парламента, верхушка аристократии и высшие церковные иерархи.

Если в Париже регистрация законов Ламуаньона прошла относительно гладко, то в провинции они встретили ожесточенное сопротивление. Между тем законы могли вступить в силу только после регистрации их во всех 12 провинциальных парламентах. А вот с этим вышла незадача. Парламенты не только отказывались регистрировать эти акты и засыпали короля протестами, но и провоцировали антиправительственные выступления, инициаторами которых, как правило, выступали служащие судов. Во многих местах оппозиционное движение активно поддерживалось дворянством, которое было раздражено тем, что реформа ограничила юрисдикцию сеньориальных трибуналов. В Бретани солидарность с парламентом выразило также и духовенство. Ситуацию усугублял экономический кризис, который подогревал социальную напряженность и тем самым способствовал вовлечению в протесты все более широких слоев населения.

«День черепиц»

Наиболее драматичный оборот события приняли в Гренобле. Служащие парламента Дофинэ (советники, адвокаты, прокуроры, клерки, секретари, писцы и прочие), а также члены их семей составляли в этом городе значительную часть его 20-тысячного населения. Остальные горожане зарабатывали себе на хлеб, обслуживая самих судейских и участников тяжб, приезжавших сюда со всей провинции. Неудивительно, что законы Ламуаньона, которые местный парламент все же зарегистрировал под угрозой применения к нему военной силы, вызвали в Гренобле широкое недовольство. Прекращение работы парламента означало исчезновение источника доходов для слишком многих семей. 12 мая муниципалитет Гренобля осудил использование военной силы против судейских, а 20 мая городские власти и советники парламента выступили с совместным заявлением о незаконности произошедшего. Узнав о протесте, Ломени де Бриенн распорядился сослать непокорных судейских в их сельские имения.

7 июня начались первые высылки. Была суббота, рыночный день. Вышедший за покупками народ заполнил узкие улочки города, стесненного кольцом крепостных стен. Недовольство горожан уже было изрядно подогрето ходившей по рукам антиправительственной брошюрой, которую накануне анонимно выпустил молодой адвокат парламента Антуан Барнав. Известие же о высылке членов парламента и вовсе стало той искрой, что вызвала взрыв. Лавки немедленно закрылись. Возбужденные жители блокировали городские ворота, чтобы не позволить судейским уехать. Тех советников парламента, кто уже сел в кареты, горожане заставили вернуться домой, внесли следом их вещи и распрягли лошадей. Женщины ударили в набат. Не понимая, что случилось, крестьяне из соседних деревень поспешили по сигналу бедствия в город, где влились в толпу, охваченную мятежными настроениями. Группа восставших попыталась прорваться во дворец губернатора. В стычке с охранявшими здание солдатами одного из мятежников ранили штыком. Вид крови разъярил бунтовщиков, которые принялись забрасывать солдат камнями и черепицей с крыш, из-за чего эти события и вошли в историю как «День черепиц». Атаке также подверглись находившиеся в городе военные патрули. Многие из солдат получили серьезные ранения, в том числе сержант Жан-Батист Бернадот, будущий наполеоновский маршал и король Швеции. Защищаясь, военные открыли огонь, убив и ранив нескольких бунтовщиков. Видя, что дело зашло слишком далеко, представители городской власти попытались успокоить толпу, но сами подверглись побоям и оскорблениям.

Опасаясь дальнейшего обострения ситуации, командующий гарнизоном отвел солдат в казармы и отложил высылку судейских. Ликующие горожане силой препроводили последних в здание парламента, заставив облачиться там в мантии и занять свои привычные места. После этого на рыночной площади начался стихийный народный праздник. Ярость сменилась буйным весельем. Жители Гренобля пустились в пляс, распевая: «Да здравствует наш дорогой парламент! Боже, храни короля! Черт побери Бриенна и Ламуаньона!»

Пять дней спустя опальные судейские все же потихоньку сами покинули город и добровольно отправились к месту ссылки – в свои загородные дома. Однако уже 21 июля представители всех трех сословий Дофинэ, по инициативе молодых адвокатов Жана Жозефа Мунье и все того же неугомонного Барнава, собрались неподалеку от Гренобля в замке Визиль. Там они объявили о восстановлении давно закрытых Штатов провинции Дофинэ – старого сословно-представительного органа, который, однако, теперь должен был строиться на принципиально иной основе, чем ранее. Третье сословие отныне получало право иметь там столько же депутатов, сколько первые два вместе взятые. Голосование решено было производить индивидуально: один человек – один голос.

Поражение министров-реформаторов

Хотя в других городах до таких эксцессов, как гренобльский «День черепиц», дело не дошло, судейские везде так или иначе оказывали сопротивление правительственным инициативам. Акты неповиновения центральным властям стали повседневностью. Ломени де Бриенн попытался сбить волну оппозиционных настроений, призвав всех желающих открыто высказывать свои соображения относительно будущего созыва Генеральных штатов. Это, по сути, означало признание свободы слова. Однако антиправительственные волнения продолжались по всей стране. Брожение проникло даже в армию.

Министрам пришлось признать свое поражение. 8 августа реформу Ламуаньона отменили. Было объявлено, что 1 мая 1789 года соберутся Генеральные штаты, созыва которых требовали и собрание нотаблей, и парламенты, и пресса. Вместе с тем, поскольку решение финансового вопроса так и не было найдено, монархия 15 августа приостановила платежи по государственному долгу. Сегодня такой шаг назвали бы техническим дефолтом. Расписавшись в неспособности исправить ситуацию, Ломени де Бриенн 25 августа ушел в отставку, а 14 сентября его примеру последовал Ламуаньон.

Прислушиваясь к общественному мнению, Людовик XVI назначил популярного Неккера новым главой правительства. Широкая публика, и особенно держатели государственных ценных бумаг, с одобрением восприняли возвращение во власть «финансового гения», не подозревая, что на самом деле бюджетный кризис во многом был делом именно его рук.

Спор об организации Генеральных штатов

Впрочем, общественное мнение уже мало интересовалось чехардой министров: оно переключилось на предстоявший созыв Генеральных штатов. Вопрос о порядке их работы расколол антиправительственную оппозицию. Парижский парламент, восстановивший в сентябре 1788 года свои позиции, заявил, что организация Генеральных штатов должна быть такой же, как в 1614 году, когда их созывали в последний раз. Тогда все сословия имели поровну депутатов, а голосование проходило по принципу «одно сословие – один голос». Другие парламенты поддержали точку зрения Парижского, так же поступило и большинство дворян. Тем самым лидеры аристократической оппозиции открыто признали, что пытались ограничить власть монарха исключительно ради усиления собственного влияния и упрочения своих привилегий. Эгоистические устремления аристократии вошли в противоречие с популярной в обществе идеей удвоить число представителей третьего сословия по сравнению с двумя первыми и ввести индивидуальное голосование, как было сделано в недавно восстановленных Штатах Дофинэ. Удвоить число депутатов третьего сословия предлагал и Неккер.

Парламенты и лидеры аристократической оппозиции, выступив за традиционную форму деятельности Генеральных штатов, в одночасье утратили былую популярность. С осени 1788 года лидерство в оппозиционном движении перешло к просвещенной элите. Это внесословное, политически активное меньшинство исповедовало идеалы Просвещения – принципы народного суверенитета, естественных прав человека, ответственности властей перед народом, установления политических и гражданских свобод, секуляризации общественной жизни и т. д. Именно просвещенная элита и дала Революции ее главных лидеров.

ЖАК НЕККЕР. Гравюра с портрета кисти Ж. Дюплесси

Эта новая оппозиция, отличная от прежней, аристократической, получила у современников название «патриотической партии». Ее неформальным координирующим центром стал так называемый Комитет тридцати, куда вошла целая плеяда ярких личностей, которые сыграют в Революции ведущие роли. «Герой Старого и Нового света», маркиз Лафайет, как уже отмечалось, завоевал огромную популярность, сражаясь добровольцем на стороне американских колонистов против Англии. Аббат Эммануэль Жозеф Сийес к тому времени уже проявил себя способным публицистом. Бонвиван и любимец либеральных салонов, епископ города Отён Шарль Морис Талейран был хорошо известен в свете как вольнодумец и тонкий политик. Советник Парижского парламента Адриен Дюпор проявил себя одним из наиболее активных противников правительства в борьбе судейской корпорации против министров.

Однако даже в столь ярком созвездии талантов фигура Оноре Габриэля Рикетти, графа де Мирабо, выделялась своей неординарностью и скандальной репутацией. Сын известного философа Просвещения, маркиза де Мирабо, молодой граф по воле отца был отправлен в тюрьму за безнравственное поведение. Однако в заключении он соблазнил жену коменданта замка, в котором был заточен, и бежал с ней за границу. Схваченный полицейскими агентами и возвращенный во Францию, Мирабо был приговорен к смерти «за похищение чужой супруги». Впрочем, до казни дело не дошло, и граф отделался тремя с лишним годами тюремного заключения. За это время он написал ряд сочинений – политических, художественных и эротических. Выйдя на свободу, Мирабо провел ряд громких судебных процессов против аристокра-

тического семейства своей жены, продемонстрировав в ходе них великолепный дар оратора. Затем, по заданию французского правительства, он выполнял секретную миссию в Пруссии. И, наконец, проявив себя талантливым и плодовитым публицистом, Мирабо оказался одним из немногих, кто еще в 1786 году осмелился пойти против течения и подверг критике финансовую политику Неккера, находившегося тогда на пике популярности.

Каждый из членов Комитета тридцати был плотно интегрирован в те или иные социальные сети – литературные, академические, масонские, светские, которые пронизывали общество Старого порядка и объединяли приверженцев новых, просветительских ценностей. Комитет использовал все эти связи для того, чтобы развернуть агитацию в поддержку требования удвоить представительство третьего сословия и ввести индивидуальное голосование депутатов.

Активную роль в организации этой памфлетной кампании играло также окружение герцога Филиппа Орлеанского. Этот принц крови имел одно из самых больших состояний во Франции. Принадлежность к правящей династии и богатство обеспечивали ему достаточно высокую степень независимости, чем он и пользовался, открыто фрондируя по отношению к короне. При Людовике XV герцог вслух порицал «революцию Мопу», за что был сослан в свое поместье. При Людовике XVI он в собрании нотаблей обрушился с критикой на Калонна и ратовал за созыв Генеральных штатов, за что опять отправился в ссылку. С 1771 года Филипп Орлеанский возглавлял «Великий Восток» – конфедерацию масонских лож Франции. Кроме того, вокруг него всегда в поисках заработка крутились многочисленные журналисты и памфлетисты. Через масонские ложи и прессу он мог исподволь оказывать серьезное влияние на общественное мнение. Осенью 1788 года «Орлеанская клика», как недруги обычно называли его окружение, активно агитировала в пользу организации Генеральных штатов на новых принципах.

ГЕРЦОГ ОРЛЕАНСКИЙ. Гравюра Ш.М. Жофруа

Для решения вопроса о порядке работы Генеральных штатов король в ноябре 1788 года вновь созвал собрание нотаблей. На сей раз их поведение диаметрально отличалось от того, что имело место полутора годами ранее. Некогда смелые критики правительства теперь приутихли, почувствовав реальную угрозу своему прежнему привилегированному положению. В конце концов, подавляющее большинство участников собрания смиренно попросило монарха сохранить сословные привилегии и традиционную форму организации Штатов.

Тем не менее Людовик XVI поддался уговорам Неккера и согласился пойти навстречу общественному мнению, которое активно подогревалось агитацией «патриотической партии». 27 декабря 1788 года было объявлено, что третье сословие в Генеральных штатах получит двойное представительство. Однако, сказав «а», король не решился сказать «б», а именно сразу же оговорить и порядок голосования в Генеральных штатах. В итоге непроясненным остался важнейший вопрос о том, останется ли все как раньше («одно сословие – один голос»), или же восторжествуют новые веяния («один депутат – один голос»). Выбранный монархом третий вариант оказался наилучшим из возможных: Людовик вообще никак не оговорил будущий порядок голосования, оставив принятие этого решения на потом. Тем самым он, сам того не ведая, заложил мину замедленного действия под весь институт Генеральных штатов – мину, взрыв которой позже приведет не только к их ликвидации, но и к множеству других далеко идущих и заранее никем не предвиденных последствий.

«День лямок»

Избирательная кампания в январе – апреле 1789 года проходила в беспокойной обстановке. Низы города и деревни, страдая от экономического кризиса и растущей дороговизны, находились в возбужденном состоянии. В разных местах то и дело вспыхивали голодные бунты. При этом беднякам, плохо разбиравшимся в сути разногласий между «аристократами» (сторонниками Старого порядка) и «патриотами» (приверженцами реформ), достаточно было любого малозначительного повода, чтобы выплеснуть недовольство на представителей верхов вне зависимости от того, к какой «партии» те принадлежали. Враждующие же элиты старались (тогда еще только эпизодически) направить гнев низов на своих политических противников. В данном отношении весьма показательны события в Бретани конца января 1789 года.

26 января в Ренне, столице провинции, состоялась манифестация наемных работников, занятых физическим трудом, – слуг, носильщиков портшезов¹, водоносов, грузчиков и других. Многие из них, работая, использовали для переноски тяжестей широкие кожаные ремни, из-за чего последующие события были названы потом «Днем лямок». Причиной протеста стала растущая дороговизна хлеба – основной пищи бедняков. Перед собравшимися выступил некий консьерж, заявивший, что снизить цены мешает конфликт в провинциальных Штатах между депутатами от дворянства, коих поддерживает парламент, и депутатами от третьего сословия, на чьей стороне муниципалитет. С криками «Да здравствует дворянство!» манифестанты направилась к парламенту, чтобы выразить ему свою поддержку. Сидевшие в близлежащем кафе студенты-юристы, сторонники «патриотической партии», враждебно встретили протестующих, полагая (возможно, небезосновательно), что на тех повлияли дворяне-«аристократы». Ссора переросла в стычку, и мускулистые работяги намяли бока задиристым школярам. На другой день те, взяв сабли и пистолеты, собрались вновь, вынашивая планы отмщения. От намерений молодые «патриоты» быстро перешли к действиям, после того как к ним прибежал окровавленный ремесленник-красильщик, тоже «патриот», крича, что его пырнул ножом в руку лакей дворянина. Главный студенческий заводила Жан-Виктор Моро повел школяров разбираться с дворянами. Моро уже восьмой год никак не мог закончить образование, но во всем, что не касалось учебы, пользовался большим авторитетом среди студентов. В будущем Революция сделает из него знаменитого генерала.

К возбужденным школярам по пути примкнули и другие горожане: кто-то из них симпатизировал «патриотической партии», кто-то просто не любил дворян с их привилегиями. Когда Моро постучался в двери монастыря кордельеров, за которой заседали депутаты провинциальных Штатов от дворянства, позади него уже теснилась толпа в несколько сот человек. Ничего хорошего дворянам этот визит не сулил, но у них тоже имелось оружие. Как только дверь открылась, с обеих сторон грянули выстрелы. Сомкнув ряды, дворяне, возглавляемые маркизом де ла Руэри, боевым офицером и героем войны в Северной Америке, со шпагами в руках ринулись сквозь толпу. В их числе был и Франсуа-Рене де Шатобриан, в будущем знаменитый писатель и политик, а тогда еще совсем молодой человек. В позднейших мемуарах он весьма красочно опишет этот отчаянный прорыв: «Народ встретил нас улюлюканьем, градом камней, ударами железных палок и пистолетными выстрелами. Мы пробились сквозь окружавшую нас человеческую массу. Нескольких дворян ранили, их хватили, рвали, награждали синяками и ушибами». В свалке погибли два дворянина и молодой мясник. Тем не менее прорыв увенчался успехом.

¹ Портшез – средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах кузова с креслом, переносимого носильщиками.

На другой день стычки возобновились. Военный комендант города тщетно призывал враждующие стороны сложить оружие. Однако, когда в город прибыли четыре сотни студентов из Нанта, чья репутация была еще хуже, чем у их реннских собратьев, дворяне почли за благо замирились. Вместе с тем они поклялись, что не отправят своих депутатов в Генеральные штаты до тех пор, пока те не будут организованы традиционным образом. Это была политическая ошибка. Дворянство Бретани, таким образом, оставалось без депутатов в общенациональном представительном органе, добровольно уступив парламентскую трибуну своим противникам.

«Аристократический заговор»

«Патриотическая партия» тоже пыталась сыграть на социальном недовольстве и направить его против правительства и старых элит. В январе 1789 года вышел в свет и немедленно получил широчайшую известность памфлет члена Комитета тридцати, аббата Сийеса, «Что такое третье сословие?». На вынесенный в заголовок вопрос автор отвечал: «Всё!» – и далее продолжал: «А чем оно до сих пор было? – Ничем! – А чего оно требует? – Стать хоть чем-то». Несмотря на, казалось бы, скромные претензии, Сийес фактически противопоставил дворян всей остальной нации, отказав им в праве считаться ее частью. Подхватив и развив эту идею, публицистика «патриотов» принялась формировать в общественном сознании образ врага – аристократии, якобы виновной во всех бедах народа и плетущей против него заговор.

Эммануэль-Жозеф Сийес. Портрет кисти Ж.Л. Давида

Идея «аристократического заговора» витала над избирательными собраниями третьего сословия. Она служила универсальным объяснением для всего чего угодно: дороговизны («аристократы морят народ голодом»), выступлений крестьян и плебса против имущей части третьего же сословия («аристократы натравливают народ на патриотов»), нерешительности короля в проведении реформ («аристократы морочат ему голову») и т. д. и т. п. Идея заговора

не требовала доказательств и воспринималась как самоочевидная. Вот, к примеру, зарисовка с избирательного собрания в парижском дистрикте Сен-Рок, сделанная современником – Жаком Демишелем, служившим тогда гувернером у юного барона Григория Строганова: «Один из собравшихся заявил, что он уверен в существовании заговора, участники которого намерены добиться отставки Неккера, и предложил вынести постановление от имени коммуны Парижа, умоляя короля сохранить столь дорогого нации министра. Он предложил также сообщить об этом постановлении всем дистриктам города. Об этом заговоре известили депутацию от дворянства, так же как и о вынесенном по данному поводу постановлении». Характерно, что никто даже не попросил у гражданина каких-либо доказательств, – одного только «он уверен» оказалось достаточно, чтобы перейти к практическим действиям.

Благодаря точно такой же уверенности провинциальный адвокат Максимилиан Робеспьер выиграл выборы в городе Аррасе и стал депутатом Генеральных штатов. До того времени он являлся достаточно ординарным представителем просвещенной элиты, который, как все, читал модных философов, обсуждал с друзьями их идеи, а порой и сам выносил свои сочинения на суд местного литературного общества. От многих других его отличало, пожалуй, только гипертрофированное честолюбие – ощущение себя непризнанным гением. Ухаживая за женщинами, он отправлял им в любовных письмах тексты своих многословных и тяжеловесных выступлений в суде, очевидно полагая подобную демонстрацию собственных достоинств наиболее надежным средством завоевать сердце дамы. И это в галантный век, высоко ценивший искусство легкой и остроумной светской беседы! Надо ли удивляться, что с женщинами ему не везло? Не удалось ему снискать и литературных лавров. Да и в профессии адвоката он проявил себя не более чем крепким середняком. Следуя Робеспьер и далее своим обычным путем, ему, конечно, не достался бы первый приз в том состязании честолюбий, в которое вылились многоступенчатые выборы в Генеральные штаты. На всех промежуточных финишах он находился лишь в середине проходившей на следующий уровень группы. Однако перед решающим этапом Робеспьер объявил в печати о существовании антинародного заговора, с которым, дескать, только он и знает, как справиться. Сработало. Робеспьер получил «первый приз» – депутатский мандат – и отправился в столицу бороться с «заговором» в масштабах всей страны.

«Дело Ревельона»

Чем дальше страна погружалась в эпоху перемен, тем больше нарастали экономические трудности. Множество одновременных локальных конфликтов политического характера серьезно ослабили государство, и оно уже не могло выполнять свои социальные и регулирующие функции как прежде. В условиях экономического кризиса это особенно болезненно сказывалось на малоимущих. В марте голодные бунты произошли в Реймсе, Марселе и Эксе. Однако апогеем подобных выступлений в период Предреволюции стали парижские события 27–29 апреля 1789 года, известные как «дело Ревельона».

Жан-Батист Ревельон владел обойной мануфактурой в Сент-Антуанском предместье. Успешный предприниматель, он использовал новые технологии, дружил с изобретателями и учеными. Из произведенной на его предприятии бумаги брата Монгольфье склеили свой первый воздушный шар и в благодарность позднее назвали «Ревельоном» монгольфьер, предназначенный для первого пилотируемого полета. За успешную работу мануфактуре Ревельона присвоили статус королевской, наградив целым рядом сопутствующих привилегий. Благодаря им, он смог установить рабочим достаточно высокое жалование, компенсировать за свой счет их вынужденные из-за кризиса простои и платить их семьям пособия по утрате кормильца. Неудивительно, что столь прогрессивного во всех отношениях человека избиратели от третьего сословия сделали одним из 300 парижских выборщиков, которым предстояло избрать в столице 20 депутатов Генеральных штатов. С этого-то и начались его злоключения.

Порядок выборов каждая из французских провинций определяла самостоятельно. В Париже правом голоса обладали мужчины не моложе 25 лет, имевшие здесь постоянное место жительства и платившие в год не менее 6 ливров подушного налога. А значит, огромное множество безработных, наводнивших парижские предместья в поисках заработка, осталось вне избирательного процесса. По свидетельству современников, они толпились у церквей, где шло голосование, и спрашивали у выходящих: «Занимаются ли нами? Думают ли о том, чтобы понизить цену на хлеб? Мы голодаем».

Их беды и в самом деле не остались без внимания. Прогрессивный предприниматель и филантроп Ревельон 23 апреля заявил на собрании выборщиков своего дистрикта, что при такой дороговизне рабочему невозможно прожить на дневной заработок в 15 су. Его возмущение разделил еще один прогрессивный предприниматель и филантроп – владелец фабрики по производству селитры Анрио. Лучше бы они этого не делали.

Дневной заработок в 15 су считался нищенским. При дороговизне тех дней прожить на него действительно было невозможно. Своим рабочим Ревельон, несмотря на кризис, платил в три с лишним раза больше. Однако кто-то что-то не расслышал или не понял. Возможно, стоявшим у дверей церкви вообще было плохо слышно то, что говорится внутри. Но в тот же день по Парижу пополз слух, что донельзя обнаглевшие богачи Ревельон и Анрио предлагают снизить заработки рабочих до 15 су в день.

Два дня ушло на то, чтобы это известие из уст в уста разошлось по рабочим предместьям и те хорошенько «прогрелись». 27 апреля возмущение выплеснулось на улицы. Собравшаяся у Бастилии трехтысячная толпа (позднее следствие установило, что в ней не было ни одного рабочего с фабрики самого Ревельона) направилась к Ратуше с возгласами: «Смерть богачам! Смерть аристократам! Смерть спекулянтам! Утопить чертовых попов!» Собственно, к Ревельону и Анрио можно было отнести лишь первое требование. Хлебом ни тот ни другой не спекулировали. «Аристократы» же и «чертовы попы» для них обоих, принадлежавших по своим взглядам скорее к «патриотической партии», и вовсе являлись политическими оппонентами. Однако беднота в нюансах политической жизни не разбиралась. На Королевской площади манифестанты зачитали «приговор», осудив «именем третьего сословия» Ревельона и

Анрио на смерть. На Гревской площади чучела обоих были вздернуты на виселицы. Вернувшись в Сент-Антуанское предместье, толпа направилась к дому Ревельона. Встретив здесь солдат, она повернула к особняку Анрио, который разгромила самым беспощадным образом. Вся внутренняя обстановка была выброшена из окон и сожжена. Сам Анрио остался жив только потому, что бежал с семьей в Венсенский замок и укрылся в его донжоне.

Утром 28 апреля бунт возобновился. На сей раз дом Ревельона не спасли даже защищавшие его солдаты. Этот особняк тоже подвергся тотальному разгрому с сожжением или разграблением всего имущества. Фабриканту и его семье пришлось укрыться в Бастилии. Для умирения разбушевавшейся не на шутку толпы власти направили войска, которым восставшие оказали ожесточенное сопротивление. Двенадцать солдат были убиты, несколько десятков ранены. Точное число убитых мятежников установить не удалось: по разным оценкам, оно колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен. 29 апреля были осуждены и повешены два бунтовщика, найденные мертвецки пьяными в разоренном доме Ревельона. Власти объявили их зачинщиками беспорядков.

Бунт в Сент-Антуанском предместье, случившийся всего за неделю до открытия Генеральных штатов, стал своего рода предостережением для элит, занятых борьбой друг с другом и не слишком обращавших внимание на происходившее в низах. Между тем «дело Ревельона» показало, что суровые мужчины в длинных брюках и темных блузах из грубой ткани – так выглядел тогда городской плебс – имели свою собственную повестку дня, далекую от той, которую ему предлагали просвещенные «патриоты» в шелковых чулках и бархатных камзолах. Однако этот сигнал услышан не был.

Глава 3

Учредительное собрание

От Генеральных штатов к Национальному собранию

Генеральные штаты начали свою работу в Версале 5 мая 1789 года. В общей сложности в них входило 1165 депутатов. Благодаря решению короля удвоить число представителей третьего сословия, последнее имело половину мест, а два привилегированных сословия – только по четверти. Тем не менее даже после этого Генеральные штаты оставались органом не общенационального, а сословного представительства, что и определяло их весьма специфический состав.

Хотя общее число священнослужителей во Франции не превышало 0,5 % населения, в Генеральных штатах их представители занимали 25 % мест. Еще бóльшую долю депутатского корпуса составляли дворяне, причем их оказалось довольно много и среди представителей третьего сословия. К примеру, граф Мирабо, не добившись депутатского мандата от дворянства своей провинции, стал депутатом от третьего сословия. Если в целом по Франции дворяне составляли менее 2 % ее жителей, то в Генеральных штатах им принадлежала треть мест. В третьем сословии, да и в населении Франции вообще, подавляющее большинство приходилось на долю крестьян. Однако их среди депутатов не было. Половину мест представителей третьего сословия занимали владельцы должностей в судебных и финансовых учреждениях и чуть больше четверти – близкие к ним по своему статусу и интересам лица свободных профессий, в основном адвокаты.

Граф де Мирабо. Гравюра с портрета кисти Ж. Бозе

Больше всего впечатляет диспропорция в представительстве между обитателями города и деревни. В сельской местности проживало 82–85 % всех французов, однако 75 % депута-

тов являлись горожанами. Иначе говоря, состав Генеральных штатов никоим образом не отражал реальную структуру французского общества. Это было собрание представителей городских элит страны. Однако именно ему предстояло принимать решения, обязательные для всех французов. Указанное обстоятельство таило в себе потенциальную опасность того, что политически активное меньшинство, представленное в органах власти, будет навязывать непредставленному в них большинству наиболее оптимальную *для себя* модель общественного переустройства.

Впрочем, внутри самих Генеральных штатов также имелось политически активное меньшинство. «Патриотическая партия» приняла в выборах самое деятельное участие. Комитет тридцати и аналогичные ассоциации в провинции энергично помогали своим единомышленникам, издавали памфлеты в их поддержку, разрабатывали образцы наказов, принимавшихся затем на собраниях избирателей. В результате практически все ведущие деятели антиправительственной оппозиции получили депутатские мандаты.

В самом начале работы Генеральных штатов большинство депутатов не помышляло о конфронтации с правительством и было настроено на конструктивное взаимодействие с ним, тем более что наказания избирателей не требовали от созванного органа слишком радикальных мер. Однако нерешенность вопроса о порядке голосования сразу же напомнила о себе, едва лишь речь зашла о том, как проверять полномочия депутатов. Представители третьего сословия потребовали, чтобы это происходило на общем заседании, что исключало деление на палаты по сословиям и предполагало индивидуальное голосование. Представители же привилегированных сословий, напротив, настаивали на проведении этой процедуры отдельно, по палатам, что было бы равносильно возвращению к традиционному порядку голосования по сословиям.

Ни одна из сторон не хотела уступать, и споры по сугубо техническому, казалось бы, вопросу – как именно проверять полномочия депутатов – растянулись более чем на месяц. Вот тут бы и сказать свое веское слово главе государства, чтобы немедленно, раз и навсегда разрешить спор, но Людовик XVI не умел ставить государственные интересы выше личных чувств, как делали по-настоящему великие монархи. Так, его теща, императрица Мария-Терезия, рожая будущую королеву Франции Марию-Антуанетту, продолжала работать с документами даже после начала схваток и прервалась лишь на полчаса, чтобы произвести дочь на свет. Людовик XVI был бесконечно далек от подобного самоотречения и не умел отвлекаться от семейных забот ради государственных проблем. После открытия Генеральных штатов он пустил все дела на самотек и занимался только своим старшим сыном, безнадежно больным и угасавшим буквально на глазах. Когда 4 июня ребенок умер, Людовик и вовсе впал в глубокую депрессию. Его не интересовал разгоравшийся в Генеральных штатах конфликт между сословиями, а тот между тем приобретал все большую остроту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.